

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КОНСТИТУЦИЯ. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Раньше, чем вернуться к Конвенту и к событиям в Париже, нам надо было познакомиться с контрреволюционными восстаниями во Франции и с ходом войны на границах. Без этого ни решения Конвента, ни борьба партий не были бы понятны. Дело в том, что война давала тон всему остальному; она поглощала все силы страны и парализовала усилия революционеров.

Главной задачей Конвента, ради которой он и был созван, было составление новой, республиканской конституции. Конституция 1791 г., монархическая и делившая народ на два класса, причем один из них был лишен всяких политических прав, не могла быть оставлена в силе. В действительности она уже перестала существовать. Поэтому, как только сошелся Конвент (21 сентября 1792 г.), он занялся новой конституцией. 11 октября был выбран конституционный комитет, и в этом комитете жирондисты, очевидно, оказались в большинстве. В него вошли Сиейес, англичанин Томас Пэн, Бриссо, Петийон, Верньо, Жансонне, Кондорсе, Барер и Дантон. Жирондист Кондорсе, известный математик и философ, уже с 1774 г. занимавшийся вместе с Тюрго политическими и социальными реформами, был одним из первых, объявивших себя республиканцами после побега короля в Варенн. Он и был главным составителем проекта конституции, представленного Конвенту жирондистским комитетом, и сопровождавшей его Декларации прав человека и гражданина.

Первый вопрос, возбужденный среди депутатов в Конвенте, был, конечно, вопрос о том, которой из двух партий, споривших за власть, пойдет на пользу новая конституция? Жирондисты хотели сделать из нее оружие, которое позволило бы им помешать революции идти дальше того, чего она достигла 10 августа. А потому монтаньяры, не считавшие революцию законченной, делали все, чтобы обсуждение конституции не было завершено раньше, чем им удастся парализовать в Конвенте жирондистов и роялистов.

Еще до суда над Людовиком XVI жирондисты настаивали на принятии Конвентом их проекта, т. е. проекта Кондорсе, в надежде спасти таким образом короля. Точно так же в марте и апреле 1793 г., когда стали возникать в народе коммунистические стремления, направленные против богатых, жирондисты особенно настаивали на принятии проекта Кондорсе. Они торопились остановить революцию и «водворить порядок», чтобы ослабить влияние, которым пользовались революционеры в провинции, особенно через посредство муниципалитетов, деревенских и городских, и санкюлотских секций в больших городах, а в Париже, кроме того, и Коммуны.

Так как муниципальный закон 22 декабря 1789 г. дал очень широкие права муниципалитетам, тем более широкие, что прежние органы центральной власти в провинциях (интенданты, т. е. губернаторы) были упразднены, то естественно, что народная революция 1793 г. находила свою лучшую поддержку в секциях и в муниципалитетах. Понятно также, что Горе важно было сохранить это могучее орудие своего влияния¹.

Но именно вследствие этого жирондисты в своем проекте конституции (который потому только не прошел уже раньше, что этому помешало восстание 31 мая) принимали меры, чтобы *ослабить власть коммун*, уничтожить их независимое существование и усилить директории департаментов и округов, представлявшие, как мы уже упоминали, органы бюрократии и зажиточных классов. С этой целью жирондисты хотели уничтожить большие коммуны, как Парижская, а также упразднить общинные муниципалитеты и вместо них ввести третий разряд бюрократических единиц - директории кантонов, т. е. волостные управления, которые они называли кантональными муниципалитетами².

Если бы этот проект прошел, то коммуны, представлявшие собой не части государственной администрации, а общества, владеющие сообща землями, зданиями, школами и т. п., должны были бы исчезнуть, чтобы дать место в земском самоуправлении чисто административным единицам.

¹ Когда Комитет общей защиты, испуганный оборотом, который принимали дела ввиду иностранного нашествия, призвал 27 марта 1793 г. в свою среду министров и Совет Парижской коммуны на совещание, Марат, резюмируя то, что уже совершалось, сказал им, что при таком кризисе верховная власть народа вовсе не нераздельна, что каждая коммуна обладает верховной властью на своей территории и что народ имеет право сам принимать меры, которые найдет нужным для своего спасения. (Thibaudeau A. Memoires... Цит. по: Michelet. Histoire de la Revolution francaise, v. 1-9. Paris, [1876-1879], v. 7, 1. 10, ch. 1). И тут он оказался более дальновидным и практичным, чем его товарищи-централисты.

² Кантон во Франции соответствует русской волости; «кантональные директории» соответствовали бы волостным управлам.